

УДК 316.4:366

I. Vasilyeva
BSEU (Minsk)

BASES OF STRATEGIES OF CONSUMERISM AND ANTI-CONSUMERISM IN DYNAMICS OF SOCIETY

The strategies of consumerism and anti-consumerism in the context of premise knowledge in science are analyzed in the article. It is shown that these strategies are intrinsic to social dynamics. The structuring of the bases of the strategies of consumerism and anti-consumerism is implemented.

Keywords: *consumerism; anti-consumerism; strategy of consumerism; anti-consumerism strategy; bases of the strategy; social dynamics; consumer society; premise knowledge; over-consuming; consuming; need.*

И. Л. Васильева
кандидат философских наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ КОНСЬЮМЕРИЗМА И АНТИКОНСЬЮМЕРИЗМА В ДИНАМИКЕ ОБЩЕСТВА

В статье осуществлен анализ стратегий консьюмеризма и антиконсьюмеризма в контексте предпосылочного знания в науке. Показано, что данные стратегии являются внутренне присущими социальной динамике. Осуществлена структуризация оснований стратегий консьюмеризма и антиконсьюмеризма.

Ключевые слова: *консьюмеризм; антиконсьюмеризм; стратегия консьюмеризма; стратегия антиконсьюмеризма; основание стратегии; социальная динамика; общество потребления; предпосылочное знание; сверхпотребление; потребление; потребность.*

Анализ стратегий консьюмеризма и антиконсьюмеризма является значимым для понимания целей и идеалов современного общества, выявления реальных стимулов его многовекторного развития, определения возможных линейных и нелинейных направлений динамики. Под стратегией в данной статье будем понимать ряд ключевых идей и принципов, объединенных в методологическую установку, которая может быть направлена как на рефлексию по поводу сложившейся ситуации, так и на практическое освоение реальности. При этом к идеям стратегии консьюмеризма отнесем следующие: расширения и защиты прав потребителя, признания возможности самовыражения в потреблении, отражение социального статуса через потребление товаров. Стратегия антиконсьюмеризма основывается на установке обязательности рефлексии по поводу процессов потребления, отношении к экологическим параметрам производства потребляемых товаров как к определяющим при их выборе, осознании необходимости воспитания и формирования умений бережного потребления. Если консьюмеризм не подвергает сомнению идею нарастающего потребления, то антиконсьюмеризм делает акцент на поливариантности жизненных практик и культурных идей.

Существует устойчивое мнение, что идея антиконсьюмеризма появляется в истории человеческой мысли достаточно поздно как преимущественно негативная реакция на очевидную иррациональность и подчиняемость манипулятивной рекламе в современном обществе потребления. Однако это не согласуется с наличием в репрезентативных текстах античного и других древних обществ явных указаний на преимущества антиконсьюмеризма. Так, Сократ, прогуливаясь по рынку, уверенно отмечает, что есть много вещей, без которых он может обойтись, а Сенека критикует рабство перед вещами как

более возмутительное, чем рабство в традиционном значении. Более подходящей для исследования стратегий консюмеризма и антиконсюмеризма может быть гипотеза, что эти стратегии имеют глубинные основания для существования в человеческой природе, общественной психологии, императивах общественной морали, явных и неявных требованиях, необходимых для социального признания, идеалах и нормах научного знания, циклах экономического развития. В связи с этим более удачным будет рассмотрение этих стратегий как имплицитно присущих общественному развитию. Представляется возможным выделить экономические, этические и когнитивные основания стратегий консюмеризма и антиконсюмеризма в динамике общества.

Говоря об основаниях, мы обращаемся в том числе и к предпосылочности знания, включая научное [1]. В свое время критика постпозитивизмом классического образа науки привела к пониманию социальной обусловленности содержания теоретического знания, его социокультурной зависимости. Если позитивизм отрицал возможность конструктивного участия философии, психологии и других компонентов культурного контекста в фактических когнитивных процессах и обосновывал необходимость устранения из сферы методологического рассмотрения вопросов, связанных с анализом социокультурной обусловленности таких процессов, то условием получения истинного знания в постнеклассической науке становятся не только внутринаучные, но и социальные ценности и цели. Ученые обращаются к изучению истории развития самой науки и выявляют некоторые исходные предпосылки формирования научного знания (например, исследовательская программа И. Лакатоса). Оказывается, что в основе науки и базирующейся на ней социальной практике лежит ряд неявных предпосылок. Отказываясь от позитивистского требования элиминации из науки метафизических предпосылок, строгой демаркации между философией и наукой, представители постпозитивизма признают эвристическую роль философии и даже знания уровня здравого смысла в развитии научного познания: «в истории мысли метафизика всегда имела значение для науки... метафизика исторически была и продолжает быть эвристическим средством для научного исследования и построения теорий... она необходима и для тех ученых, которые ее признают, и для тех, которые ее отвергают» [2, с. 43–44]. Значение здравого смысла, связывая его с практикой, подчеркивает и российский исследователь Л.А. Микешина: «В целом предпосылочное мировоззренческое знание выполняет весьма важные социальные и гносеологические функции. Именно в этой системе знания находит свое непосредственное отражение социально-историческая практика, опыт в широком смысле слова, не сводящийся к простому набору экспериментальных данных. Специально-научная система знания, взаимодействуя с предпосылочным знанием, тем самым через общенаучную картину мира, стиль мышления, философско-мировоззренческие принципы опирается на всю сумму накопленного знания и на социально-исторический опыт познания в целом» [3, с. 61]. Таким образом, идея предпосылочности научного знания фиксируется разными научными школами, и поиск оснований научных стратегий становится важной исследовательской темой.

Поиск оснований рассматриваемых стратегий консюмеризма и антиконсюмеризма, а не просто их фиксацию и описание, соотнесем с исследованиями Э. Фромма в 20-е гг. XX в., который для обозначения проблемы чрезмерного потребления вводит термин «общественное потребление» [4] и отмечает, что во все времена существовало противоречие между двумя основными способами существования человека — обладанием и бытием, между обыденностью и проживанием жизни, потребляя то, что она может предоставить, и стремлением вновь вернуться к подлинным основам человеческого бытия, и именно установка на потребление становится препятствием к проживанию экзистенциальных параметров жизни.

Если до XX в. потребление было преимущественно экономической категорией, и его изучением пристально и подробно занимались ученые-экономисты, то уже с самого на-

чала прошлого века можно отметить появление социологических, психологических и философских работ, посвященных потреблению.

Экономической основой общества потребления является капитализм эпохи постиндустриального общества. Феномен сверхпотребления, характерный для соответствующей ему экономики, был предсказан критиками капитализма, которые, анализируя капитализм, предположили, что возможны два варианта его развития: или он не справится с кризисом перепроизводства, или все-таки появятся новые технологии распределения излишков производства. Экономической основой формирования устойчивой тяги к потреблению является практика массовой выдачи кредитов частным лицам.

Показательным симптомом общества потребления является перенос основы своей самооценки на количество потребленного. Общество потребления (англ. *consumer society*) — совокупность общественных отношений, организованных на основе принципа индивидуального потребления. Общество потребления характеризуется массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и установок.

С этической точки зрения в истории человечества наличие богатства у человека расценивается амбивалентно: зачастую оно порицается по ряду причин, но может интерпретироваться и как нечто почетное. Так, в раннем христианстве встречаем известное замечание: «Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Евангелие от Луки 18:16—25). В какой-то степени богатство считалось некой духовной опасностью. Но с развитием христианства в протестантизме появляется идея, что успех в мирских делах является важным свидетельством того, что человек предопределен к спасению. Таким образом, даже те моральные системы, которые формируются на ином базовом принципе, в своем развитии трансформируются в идею избранности, отмеченности Богом по такому признаку, как возможность заработать состояние, что нашло свое отражение в исследованиях М. Вебера [5].

Базируясь на этических религиозных основаниях, богатство становится почетным, приносит уважение владельцу имущества, и в соответствии с этим приобретение нового имущества, увеличение собственности становятся необходимыми для получения одобрения со стороны общества и прочного высокостатусного положения в нем. В трактовке Т. Веблена отмечается, что в социальной динамике достижение определенного престижного денежного уровня, то есть некоторого условного стандарта богатства, приводит на смену таким важным знакам избранности, как доблесть, отвага, героизм. Превышение определенного денежного уровня оказывается особенно почетным и, наоборот, те члены общества, которые не обладают собственностью, условно принятой как необходимый уровень собственности, получают отрицательную оценку со стороны общества и в основном переживают это достаточно тяжело [6].

Мировой экономический кризис ставит вопрос об эффективности и рациональности аналитических методов экономики. Увеличение размеров валового продукта, рост доходов населения, количества произведенных товаров и уровня их потребления соответственно традиционно являются неизменными ключевыми критериями оценки эффективности власти, инструментов ее правления с точки зрения экономики. Однако в рамках стратегии антиконсьюмеризма ставится вопрос о необходимости инновационных сдвигов в анализе эффективности экономики и удовлетворительности монетарных, количественных методов для подсчета той пользы, которую экономическая система непосредственно дает человеку. И в этом смысле в философии наработан существенный объем альтернативного знания, когда система потребностей оказывается полностью переориентированной. Так, в философии буддизма логически стройно обосновывается ущербность ориентации человека на следование пути удовлетворения возникающих у него желаний. Разрастание потребностей рассматривалось как недостаток человека и

древнегреческими философами (Демокрит, Эпикур). В иерархической модели потребностей человека А. Маслоу отмечается, что потребности современного человека ложны и навязаны ему извне, и это делает его рабом собственных потребностей. При этом наивысшей потребностью человека определяется стремление к раскрытию внутреннего потенциала, самоактуализация [7].

В книге «Общество потребления» Ж. Бодрийяр разрабатывает одноименный концепт и делает вывод, что потребление в современном обществе не связывается больше с сущностью потребляемого, то есть осуществляется не только для реального удовлетворения первичных потребностей, а является символическим и используется для присвоения себе отчужденных знаков предметов [8]. В результате потребление приобретает глубоко демонстративный характер, и смысл потребления уходит от традиционного понятия пользы.

Важным является изучение статуса стратегий консьюмеризма и антиконсьюмеризма в более широком контексте, в мировоззрении людей. В исследовании российского социолога Н.Е. Тихоновой на материалах ряда общероссийских исследований Института социологии РАН рассматривается специфика русской мечты как определяющей характеристики русской ментальности, выделяются ее ключевые элементы, демонстрируется культурно-цивилизационная специфика и связь с ценностями и идентичностями россиян. При этом делается вывод, что это не мечта общества потребления [9]. Отметим также такой аспект антиконсьюмеристской стратегии и соответствующей критики потребления, как ориентация на изменение мировоззренческих установок человека. Отмечается, что потребление как главная жизненная стратегия зачастую приводит человека к одиночеству, так как ориентирует его на культивирование индивидуальных эгоистических качеств. Сосредоточенный на производстве, продаже и потреблении товаров человек сам превращается в товар и становится одинокой, отчужденной от своей сущности личностью [10]. Потребительские практики рассматриваются авторами таких концепций, как средства активного воспроизведения социального неравенства, а потребление выступает у них как инструмент для разделения общества на страты, классы, сословия. Прогрессирующее ухудшение экологической обстановки является одним из центральных мотивов и аргументов антиконсьюмеристской стратегии, так как критика высокого уровня потребления связывается с высоким уровнем нагрузки на среду [11].

Интересным является вопрос о будущем развитии стратегий консьюмеризма и антиконсьюмеризма, возможности синтеза идей обеих стратегий. Пока можно говорить о начале разработок в этом направлении. Так, появилась идея «этичного потребления» как попытка выработать новую стратегию противодействия гражданского общества развитию неприглядных деловых практик, наносящих значительный вред окружающей среде, людям, животным [12].

Выделенные экономические, этические и когнитивные основания стратегий консьюмеризма и антиконсьюмеризма в динамике общества позволяют включить в анализ этих тенденций содержание предпосылочного знания, существующего и наработанного в культуре, находить исторические параллели в ценностных установках и предпочтениях при выборе стратегии дальнейшего развития, ее ценностного и рационального обоснования.

Источники

1. Васильева, И. Л. Эвристический потенциал философии в современной науке / И. Л. Васильева // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2016 г. : в 2 т. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол. : В. Н. Шимов [и др.]. — Минск, 2016. — Т. 1. — С. 25–27.

Vasil'eva, I. L. Evristicheskiy potentsial filosofii v sovremennoy nauke / I. L. Vasil'eva // Ekonomicheskiy rost Respubliki Belarus': globalizatsiya, innovatsionnost', ustoychivost' : materialy

IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 19–20 maya 2016 g. : v 2 t. / Belarus. gos. ekon. un-t ; redkol. : V. N. Shimov [i dr.]. — Minsk, 2016. — T. 1. — S. 25–27.

2. *Вартовский, М.* Эвристическая роль метафизики в науке / М. Вартовский // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки : сб. переводов / под ред. Б. Ф. Грязнова, В. Н. Садовского. — М. : Прогресс, 1978. — С. 43–110.

Vartovskiy, M. Evristicheskaya rol' metafiziki v nauke / M. Vartovskiy // Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskikh issledovaniy po filosofii nauki : sb. perevodov / pod red. B. F. Gryaznova, V. N. Sadovskogo. — M. : Progress, 1978. — S. 43–110.

3. *Микешина, Л. А.* Ценностные ориентации субъекта и формы их отражения в научном знании / Л. А. Микешина // Филос. науки. — 1982. — № 6. — С. 52–61.

Mikeshina, L. A. Tsennostnye orientatsii sub'yekta i formy ikh otrazheniya v nauchnom znanii / L. A. Mikeshina // Filos. nauki. — 1982. — № 6. — S. 52–61.

4. *Фромм, Э.* Иметь или быть / Э. Фромм. — М. : АСТ, 2007. — 320 с.

Fromm, E. Imet' ili byt' / E. Fromm. — M. : AST, 2007. — 320 s.

5. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. — М. : Прогресс, 1990. — 804 с.

Weber, M. Izbrannye proizvedeniya / M. Weber. — M. : Progress, 1990. — 804 s.

6. *Веблен, Т.* Теория праздного класса: экономическое исследование институций [Электронный ресурс] / Т. Веблен // Гуманитарные технологии. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5890>. — Дата доступа: 01.12.2017.

Veblen, T. Teoriya prazdnogo klassa: ekonomicheskoe issledovanie institutsiy [Elektronnyy resurs] / T. Veblen // Gumanitarnye tekhnologii. — Rezhim dostupa: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5890>. — Data dostupa: 01.12.2017.

7. *Маслоу, А.* Мотивация и личность / А. Маслоу. — СПб. : Питер, 2008. — 352 с.

Maslou, A. Motivatsiya i lichnost' / A. Maslou. — SPb. : Piter, 2008. — 352 s.

8. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. — М. : Культурная революция ; Республика, 2006. — 269 с.

Bodriyyar, Zh. Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury / Zh. Bodriyyar. — M. : Kul'turnaya revolyutsiya ; Respublika, 2006. — 269 s.

9. *Тихонова, Н. Е.* Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? / Н. Е. Тихонова // Обществ. науки и современность. — 2015. — № 1. — С. 52–63.

Tikhonova, N. E. Mechty rossiyan «ob obshchestve» i «o sebe»: mozhno li govorit' ob osobom rossiyskom tsivilizatsionnom proekte? / N. E. Tikhonova // Obshchestv. nauki i sovremennost'. — 2015. — № 1. — S. 52–63.

10. *Васильева, И. Л.* Принцип экологичности и идеал сверхпотребления в современной культуре / И. Л. Васильева // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 мая 2015 г. : в 2 т. / Беларус. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов [и др.]. — Минск, 2016. — Т. 1. — С. 12–13.

Vasil'eva, I. L. Printsip ekologichnosti i ideal sverkhpotrebleniya v sovremennoy kul'ture / I. L. Vasil'eva // Ekonomicheskiy rost Respubliki Belarus': globalizatsiya, innovatsionnost', ustoychivost' : materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 21–22 maya 2015 g. : v 2 t. / Belarus. gos. ekon. un-t ; redkol.: V. N. Shimov [i dr.]. — Minsk, 2016. — T. 1. — S. 12–13.

11. *Маркузе, Г.* Одномерный человек / Г. Маркузе. — М. : Ермак, 2003. — 336 с.

Markuze, G. Odnomernyyu chelovek / G. Markuze. — M. : Ermak, 2003. — 336 s.

12. *Шабанова, М. А.* Этичное потребление как инновационная практика гражданского общества в России / М. А. Шабанова // Обществ. науки и современность. — 2015. — № 5. — С. 9–34.

Shabanova, M. A. Etichnoe potreblenie kak innovatsionnaya praktika grazhdanskogo obshchestva v Rossii / M. A. Shabanova // Obshchestv. nauki i sovremennost'. — 2015. — № 5. — S. 9–34.

Статья поступила в редакцию 14.12.2017 г.